

Дия Бо

ОСКОЛКИ

ПАДШИХ

Они жаждут соединиться...

Лия Бо

Осколки Падших. Чёрные шины

«Автор»

2026

Бо Л.

Осколки Падших. Чёрные шины / Л. Бо — «Автор», 2026

В Асторне скорость решает всё, а сила артефактов способна поглотить жизнь. Лира — молодая гонщица с загадочным артефактом вынуждена участвовать в уличных гонках, чтобы спасти жизнь отца. Её артефакт дарует невероятную мощь машине, но за каждую победу приходится платить чужой силой. После первой гонки за Лирой начинают охотиться таинственные преследователи, а её путь пересекается с Дорианом — хладнокровным гонщиком из команды «Чёрные шины», который хранит собственную тайну. Скорость, риск и интриги сливаются в смертельную игру. Где каждый поворот трассы — шанс потерять всё, а каждый союз может обернуться ловушкой. Тайны артефактов и опасные соперники ставят Лиру на грань жизни и смерти, а выбор между силой камня и сердцем становится решающим.

© Бо Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Стикс	5
Глава 2	11
Шоссе Блицера	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лия Бо

Осколки Падших. Чёрные шины

Глава 1.

Стикс

*«Умбра — месяц глубокой тьмы.
Самый короткий световой день. В
пиковые дни солнце
поднимается над горизонтом не
более чем на 3–4 часа.
Остальное время город существует в
искусственном освещении.
Исследовательские группы, искатели
артефактов уходят
в короткие экспедиции в Провал,
надеясь на удачные находки
перед концом года. Потоки магии из
Провала становятся наиболее
активными и непредсказуемыми. На
чёрных рынках появляются
самые ценные артефакты, добытые за
год.»*

*Сводка составлена Архивом Хроник, отдел календарной магии, под
руководством Верховного Хранителя Солариса Векса.*

28 Мириос, 512 О.Э.

Пять дней.

Всего пять дней до 5 Умбра.

Путь от рынка до дома превратился в кошмар.

За стенами тоннеля завывал ветер, неся с собой ледяное дыхание приближающегося месяца Умбра — месяца Глубокой Тьмы. Он казалось, сжимался вокруг меня, отсчитывая последние часы до развязки. Но я вжималась в бак мотоцикла, пытаюсь слиться с потоком воздуха и теней. Рюкзак с амортизаторами и прокладками от Гнома был накрепко пристегнут под сиденьем. Бесплезный груз, символ наивной надежды.

Мой мотоцикл вынырнул из тоннеля на набережную Харион — длинную, извилистую дорогу, вившуюся над зловонной самой черной, маслянистой гладью реки Стикс. Я не назвала бы это рекой, скорее открытый коллектор, вбирающий в себя все отходы Асторна: химикаты с заводов, охлаждающие эмульсии, остатки магических реактивов и что-то ещё, от чего вода даже ночью отливала ядовитым радужным перламутром. Воздух здесь был густым и сладковато-едким.

Первые пять минут были относительно спокойными.

Но мой каждый нерв был натянут как струна. Каждый шорох в кучах мусора казался мне шагом наемника. Каждый дальний свет фар — прицелом снайпера. Паранойя, липкая и цепкая, обволакивала сознание.

«Он уже отдал приказ. Они уже в пути.»

Мысль металась по черепу, отражаясь в каждом темном окне, в каждой подворотне.

«Просто доехать до дома. Ничего не трогать. Ни с кем не говорить. Просто доехать. Лира, ты сможешь!»

Он хотел меня убить. Дориан Торн.

Слово «убийство» вызывало не абстрактный ужас, а физическую тошноту. Для меня смерть на трассе была несчастным случаем, трагической ошибкой скорости, а не холодным расчетом. Отнять жизнь намеренно это было за гранью. А теперь кто-то по его приказу собирался переступить эту грань ради моей смерти.

Как? Мозг, привыкший к решению механических проблем, теперь с тем же методичным ужасом разбирал возможные сценарии.

Дорожный «несчастный случай». Самый простой. Зарулить грузовиком в мой мотоцикл на оживленной развязке. Или, что еще проще, здесь, на этом пустынном участке. Резкий толчок в бок на скорости, падение, удар головой о бордюр. Быстро, шумно, но неаккуратно. Могли остаться свидетели. Следы краски на бампере.

Нет, слишком грубо для профессионала.

Тихое исчезновение. Это нравилось больше. Подкатить на фургоне, когда я буду возиться с «Звездой» в мастерской. Укол транквилизатора в шею. И всё.

Никакого шума. Меня просто не станет. Тело растворят в кислотной ванне на одном из подпольных заводов «Шин» или сбросят в ту самую реку, что булькала сейчас справа. В Стиксе от трупа за сутки не останется и зубной эмали — магические отходы и химикаты разъедали всё. Идеальная могила. Без свидетелей, без тела, без улики.

Просто девчонка-гонщица смылась от долгов, испугалась вызова. Все только пожмут плечами. Эта мысль была самой леденящей.

Несчастный случай в мастерской. Подстроить утечку ядовитого газа, короткое замыкание в высоковольтной сети, пока я буду работать со сварочным аппаратом. Сделать меня соучастником собственной смерти. Умно. И почти ненасильственно.

Почти.

Я представила на мгновение лицо Дориана. Его спокойные, стальные глаза. Он смотрел бы на это как на техническое задание. Как на устранение неисправности. Без злобы. Без удовольствия. Без сожаления. От этой мысли становилось еще страшнее. Злодей, который наслаждается злодейством, — это хоть как-то понятно. А это это был просто холодный космос в человеческом облике.

Хотелось выиграть ту самую гонку. Унизить его на трассе на глазах у всех. Смотреть, как холодная уверенность в его глазах дает первую трещину. Чтобы он почувствовал поражение. Чтобы его мирок безупречного контроля дал сбой из-за меня. Это была бы месть, которую можно было понять. Мечь, достойная гонщика, а не убийцы.

Но не смерть. Никогда смерть.

Артефакт на груди, до этого лишь слегка вибрировавший, внезапно дернулся коротким, резким спазмом, будто отдергивая руку от горячего. Предупреждение. Это был чистый, животный сигнал опасности, переданный напрямую в нервную систему: СЗАДИ. БЛИЗКО. УГРОЗА.

Потом в зеркале заднего вида появилась точка. Чёрный пикап с затемнёнными стёклами. Он держался на почтительном расстоянии, но в пустынном промышленном районе любой попутчик меня уже настораживал. Я сбросила скорость, позволив ему обогнать. Он проехал мимо, не замедляясь.

«Параноик», — усмехнулась я себе мысленно, но расслабиться не успела. Через пару поворотов я снова увидела его — он притормозил на обочине, будто ждал. Когда я проезжала мимо, пикап плавно тронулся и влился в поток позади меня. Он держал дистанцию в две машины. Безопасную. Слишком безопасную.

«Совпадение», — попыталась убедить себя я, но живот сковало льдом. Я прибавила газа. «Самурай» ответил рычанием. Пикап не отстал. Он просто немного сократил дистанцию.

Я влетела в первый же крутой поворот, прижавшись к асфальту так низко, что ботинок чиркнул по поверхности. Ветер вырвал прядь волос из-под шлема, и они захлестали по лицу, солёные от пота. В зеркале — чёрный силуэт всё так же позади. Чётко. Неотрывно.

Паника, до этого тлеющая где-то глубоко, рванула вверх, как пламя, залитое бензином. Это уже точно не паранойя. Это охота.

Я повернула газ до упора. Мотоцикл взвыл, выжимая из своего старого сердца всё, на что был способен. Асфальт под колёсами превратился в размытую полосу. Справа — ржавые ограждения и обрыв. Слева — глухие стены складов.

Пикап не отставал. Наоборот, его фары в зеркале начали увеличиваться. Он набирал скорость с пугающей, нехарактерной для грузовика лёгкостью. Тюнинг. Магический или технический — неважно.

«Уже? Так быстро? Он же только что отдал приказ!»

Сердце колотилось, в такт ему настойчиво пульсировал камень на груди, будто подгоняя. Я устремила в левый поворот, моё колено почти коснулось асфальта. Пикап прошёл его чуть шире.

Дорога пошла на подъём, за очередным поворотом открылся узкий прямой участок, огороженный низким, разбитым барьером. За ним — обрыв и мерцающая внизу зловещая гладь Стикс.

«До гонки. Я не хочу никаких сюрпризов на трассе.»

Слова Дориана прозвучали в памяти с леденящей ясностью. Он не стал ждать. Он действовал быстро, эффективно, как и обещал.

Артефакт на груди зажегся сильнее. Он отозвался на чистый, животный страх. Он подпыхивал железо, заставляя его гореть. Резкий, электрический импульс пронзил грудину и ударил прямым в руки, сжимавшие руль. И мотоцикл, старый, выдавший виды «Самурай», взревел с нечеловеческой силой. Скорость, казавшаяся предельной, возросла еще на двадцать километров. Это был рывок, словно невидимый великан пнул меня в спину.

Но пикап был быстрее. Он догнал меня на следующем длинном вираже. Я видела, как его массивный передок поравнялся с моим задним колесом в зеркале. Сердце упало в пятки. В его лобовом стекле, несмотря на тонировку, угадывалась фигура за рулём — безликая, тёмная. Он поравнялся со мной слева, нависая многотонной массой.

«Нет. Нет, нет, НЕТ!»

Я попыталась оторваться, но пикап резко рванул вперёд и тут же взял вправо, подрезая меня. Его кузов, огромный и неумолимый, заполнил всё пространство передо мной.

Не было времени на торможение. Не было места, чтобы увернуться.

Переднее колесо мотоцикла ударило о его передний бампер. Звук рвущегося металла, хруста пластика.

Мир перевернулся.

Мотоцикл вырвало из траектории. Я потеряла контроль. Я вылетела из седла, как тряпичная кукла. Ограждение — ржавое, хлипкое — промелькнуло перед глазами и с грохотом разлетелось на куски. А потом не стало асфальта. Не стало ничего.

Я летела.

В тишине.

Шум мотора, ветер — все исчезло.

Остался только свист в ушах, бездонная, радужная чернота внизу и небо, уходящее куда-то вверх.

Время распалось на тысячу острых, невероятно чётких осколков.

Вода реки Стикс встретила меня глухим, всепоглощающим ударом. Как будто я влетела в бетонную стену. Боль, острая и яркая, пронзила ребра и плечо, выгнав из легких последний воздух и немой выдох. Холод пронизывающий, токсичный — мгновенно обволок тело, впиваясь через кожу, через одежду.

Первая секунда. Я захлебнулась чем-то густым, маслянистым и горьким. Вокруг сгустилась чёрная муть, лишь кое-где вспыхивали призрачные вспышки — следы магических отходов. Древний инстинкт выбросил руки вверх, заставил судорожно заработать ногами к тому месту, где над черной гладью мерцало радужное масляное пятно — отражение далеких огней города.

Вторая секунда. Паника, уже знакомая, снова сдавила горло. До поверхности всего пара метров. Но они казались километрами. Тело не слушалось. Движение было медленным, тягучим, так как это не была вода. Я словно барахталась в жидкая грязи, густой и цепкой, как кисель.

Ботинки превратились в свинцовые гири, неумолимо тянувшие ко дну. Куртка промокающая за секунду — в саван, сжимая грудную клетку, где боль от ушиба уже разгоралась алым шаром. Шлем, еще недавно защищавший, теперь давил на шею, искажая периферийное зрение, превращая мир в темный туннель.

Третья секунда. Пустые легкие судорожно сжимались, требуя воздуха. Я забилась, заработала ногами.

Мысль пронеслась, острая и ясная: «Я не доплыву».

Четвёртая секунда. «Нет. НЕТ. Это не конец. Не в этой вонючей канаве. Не по чьей-то указке.»

Моя жизнь — это сплошное «выше головы». И сейчас я не сдамся.

Нужно было избавиться от балласта, в виде экипировки, которая, казалось бы, неумолимо жаждала моей смерти, как и самодовольный гонщик «Шин».

Стиснув зубы, я перестала просто дергаться. Сфокусировалась. Одной рукой, преодолевая боль в боку, стянула шлем.

Пятая секунда. Рванула молнию на куртке. Ткань разошлась на сантиметр, заела. Я дернула снова. Еще рывок и еще.

«Воздуха!» Грудь распирало. В глазах замелькали зеленые искры.

Шестая секунда. Куртка расстегнулась. Я попыталась стянуть ее с одного плеча. Время истекало. Темнота давила не только снаружи — она заползала внутрь черепа, мягкая и манящая. «Отдохни» — шептала она.

«Нет. Я ХОЧУ ЖИТЬ.»

Седьмая... Я рванула с дикой силой, чувствуя, как боль в ребрах кричит в унисон. Рука выскользнула из рукава. Потом вторая. Куртка, наконец, поплыла в сторону, медленно погружаясь, как призрачный скат. Стало чуть легче.

Девятая. Но ботинки Ботинки тянули вниз. Я изогнулась, пытаюсь дотянуться до шнурков скрюченными, одеревеневшими пальцами. Река сопротивлялась каждому движению, она была злой, разумной силой.

Тринадцатая секунда. Воздуха не было. Совсем. Тело, измученное болью и холодом, начало предавать. Движения стали беспорядочными, судорожными.

Мысли понеслись обрывками, яркими и горькими:

«Папа... Прости. Счёт за лекарства так и не оплатила. И обещала быть к ужину.

Лео. Чёрт. Я же обещала вернуться целой. И так и не сказала кто он для меня...Как же быстро...

Неужели наёмник ждал у выхода с рынка? Или Гном Нет, не думай. Неважно. Всё равно.»

Семнадцатая... Я оттолкнулась от ничего, собрала все, что осталось — всю злость, всю обиду, всю яростную, дикую любовь к гонкам. Я вытянулась стрелой, работая только ногами, скованные ботинками, но все еще бьющими с отчаянием утопающего.

До поверхности — рука. Две. Я видела это масляное мерцание так близко.

Я рванулась. Раз. Другой. Каждый взмах отнимал силы, которых почти не осталось. Каждый толчок ногами отдавался новой вспышкой боли в боку. Легкие горели.

«Выплыть. Надо выплыть!»

Двадцать шестая. Но мышцы предательски слабели. Свет наверху начал расплываться, превращаясь в блеклое пятно.

Паника сменилась леденящим ужасом. Я не могу добраться до поверхности. Воздух закончился. Не хватало сил. Это конец.

«Но я не хочу умирать. Не здесь. Не так. Не сейчас.»

Кашель. Судороги. Тёмная вода хлынула в лёгкие. Сознание начало уплывать, сжиматься в точку. Тело обмякло, медленно поворачиваясь в толще этой светящейся темноты.

Я больше не боролась. Я наблюдала, как жизнь, такая яркая и яростная, утекает сквозь пальцы вместе с ядовитыми потоками магии. Последние мысли были обрывочны, лишены пафоса, по-детски обижены.

Вот и всё. Не в огне гонки, не в ярости борьбы. В этой чёрной, грязной луже.

Пять дней? Смешно. Не дожила и больше пяти минут. И так много... так много не сделала.

Мысленная плёнка закрутилась быстрее, вытаскивая абсурдные, нелепые сожаления, перемешанные с настоящей болью.

Я так и не угнала личный летающий лимузин Верховного Аркана. Говорили же — система защиты хлипкая. Хотела прокатиться по Бульвару Грехов со свистом, а потом сбросить на него сверху банку с краской.

Не влюбилась по-настоящему. Без оглядки, без этой вечной оглядки на долги и опасности. Хотя бы раз проснуться и думать не о гонке, а о чьих-то глазах...

Как быстро. Боги, как быстро. Я даже я даже не успела плюнуть с крыши Башни Совета — самой высокой точки Асторна. Всегда мечтала. Говорят, если попадешь в шляпу главному Аркану — исполнится желание. Чушь. Но попробовать хотелось.

Дориан. Бездушная тварь. Чёртов Торн. Успел. Ты даже не дождался заезда. Как же я... как же я его ненавижу.

И сквозь этот вихрь — пронзительная мысль: «Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ.»

Я любила этот вонючий, жестокий, сияющий неоновым город. Любила рев мотора, вкус скорости.

Это было так несправедливо. Я так любила жизнь. Даже эту вечную, изматывающую гонку за выживание. Я цеплялась за неё когтями и зубами, а Вселенная, эта старая, циничная сука, раз за разом ставила подножку. И теперь... теперь просто отворачивалась.

Я хотела бороться. Дышать. Гонять.

«Вот и всё», — прошептала последняя крупница «я».

И в этот миг, когда жизнь уже почти выпустила свою нить — артефакт на груди, вдруг вспыхнул теплом. Сначала слабым, потом всё ярче, жарче.

Он проснулся. Но не так, как раньше. Он был голоден. Смертельно голоден. И вокруг было пиршество.

Я почувствовала, как вокруг всё оживает. Мерцающие вспышки в воде стали тускнеть, будто их энергию высасывала невидимая воронка. Струйки света, ядовитые зелёные и синие полосы, потянулись ко мне со всех сторон, впитываясь в грудь.

Это было пожиранием. Ненасытное, всеокрушающее. Целое кладбище магии, отравляющее реку — всё это ринулось в него.

В МЕНЯ.

Это был концентрат столетий магических и промышленных отходов: выброшенные обереги, отработанные кристаллы, алхимические шлаки, энергия распавшихся артефактов, остатки чудовищных экспериментов. Я почувствовала, как через мою кожу, через уши, глаза, рот внутрь врывается вихрь чужеродной, дикой, неконтролируемой силы. Это было вселение в каждую клетку тысячи безумных существей, тысячи отравленных желаний, тысячи обрывков чужой воли. Это была агония целой реки, втягиваемая в одно существо.

Мне стало невыносимо плохо. Мое тело выгнулось в немой судороге. Я просто впитывала, становясь воронкой, центром этого магического апокалипсиса. Боль не физическая, а экзистенциальная пронзила само сознание.

Я растворялась. Меня переписывали.

Как если бы в тебя закачивали расплавленный металл. Каждая клетка тела кричала. Голова раскалывалась. Я открыла рот в немом крике и вдохнула ледяную, маслянистую жижу.

И в самый пик этой невыносимой пытки, когда индивидуальность, воспоминания, сама «Лира» вот-вот должны были рассыпаться под этим напором, в голове раздался «Голос».

Он был не моим. Он был старше камней под Асторном. Глубже самой черной воды. Он звучал в костях, в самом ядре угасающего сознания. Это был скрежет стирающихся друг о друга пластов реальности, рёв пустоты, в которую падаешь вечно.

И он произнес всего три слова, каждое из которых было похоже на похоронный звон по той девчонке, что когда-то боялась не успеть купить отцу лекарства:

«ТЫ — ЭТО Я».

И тьма, наконец, накрыла с головой.

Как бы мне хотелось, чтобы это была тьма небытия. Но это была словно другая сущность. Тьма, которая смотрела изнутри и была сыта. Впервые за долгие-долгие годы — сыта.

Шум города, рёв пикапа, даже бурлящее шипение реки — всё стихло.

Осталась только тягучая, беззвёздная тишина.

И холод.

Глава 2

Шоссе Блицера

«Любое несанкционированное использование общественных магистралей, тоннелей или воздушных коридоров для проведения гонок на скорость

признаётся актом умышленного подрыва городской инфраструктуры и общественной безопасности.

Минимальное наказание — пожизненная конфискация транспортного средства и артефактов.

Максимальное — нуллификация магической лицензии и изоляция в крио-камерах Предела.»

Эдикт Асторна, Статья 24 «О нелегальных скоростных состязаниях»

25 Мириос, 512 О.Э.

Тремя днями ранее.

Ночное шоссе Блицера приветствовало меня дымом, неоном и запахом сгоревшей резины. Толпа подпольщиков редела, делала ставки, кто выживет, а кто разобьётся в хлам. Машины стояли в ряд — сверкающие, с моторами, в которых бурлила не только нефть, но и магия.

— Смотри, новенькая, — сказал один из гонщиков, проходя мимо. Его машина словно парила над асфальтом. — Надолго тебя не хватит.

Я улыбнулась в ответ.

— Хватит ровно до того момента, когда ты увидишь мои задние фары.

Он ухмыльнулся и сел в машину, нажав на педаль газа так, что машина зарычала. Я закатила глаза и пробормотала себе под нос.

— Поскорее бы отсюда убраться. Ещё одна гонка. Только эта. Ради него.

В голове звучал больной голос отца, лежащего дома и почти прикованного к креслу. Лекарство стоило, как Ford вместе с гаражом и старыми запчастями, и единственный шанс достать деньги — выиграть сегодня.

Мой синий Ford GT40 с алыми молниями, «Звезда», казался скромным подростком на балу у монстров. Рядом рычали, плюясь сгустками нестабильной магии, монстры из стали — тюнингованные до неузнаваемости иконы автомобильного мира. Я проверяла зажигание, когда к окну подскочил он.

Лео. Его улыбка могла бы осветить все подземные гаражи Асторна. В свои двадцать два он выглядел как греческий бог, заблудившийся в мире машинного масла и гаечных ключей. Глаза цвета теплого шоколада, в которых всегда плескалась озорная искра, и упрямый русский завиток волос, падающий на лоб, несмотря на все попытки убрать его.

— Ну что, звезда моя, готова сиять? — он постучал костяшками пальцев по крыше, его руки были испачканы смазкой, но движение было бережным.

— Готова светить этим ублюдкам в задний бампер, пока не ослепнут, — огрызнулась я, но не смогла сдержать ухмылки.

Он усмехнулся и наклонил голову ниже. Лео был единственным, кто мог заставить меня улыбаться даже здесь.

В этом месте я чувствовала вибрацию голода, исходящую от толпы. Едкий коктейль из запаха страха, адреналина и паленой магии. И еще кое-что давящее чувство, будто на виски надели невидимый обруч.

— Слушай, Хенрикс в ярости. Ищет тебя днем с огнем. Говорит, если ты еще раз сорвешь смену из-за своей «ночной самодеятельности», он вышвырнет твои вещи на свалку.

— Черт. Ты его успокоил?— Сказал, что у тебя эээ женские проблемы, — он сделал невинное лицо.

— Ты что, спятил?! — я чуть не выпрыгнула из машины.

— А что? Сработало! Покраснел, пробормотал что-то и ушел. Мужики этого боятся сильнее, чем прогореть на поршнях, — он широко улыбнулся, но в следующее мгновение его взгляд стал серьезным, почти отеческим. — Лир будь осторожна. Сегодня необычная гонка. Зик собрал всех стервятников. И я слышал, будут «Чёрные шины».

Сердце сделало в груди резкий, болезненный толчок. «Чёрные шины». Элита подполья, тени, которые контролировали львиную долю трасс Асторна. Пересекаться с ними было все равно что играть в рулетку с полным барабаном. Но где тень, там и деньги. Очень большие деньги.

А если они заметят меня...

Мысль была одновременно пугающей и пьяняще соблазнительной.

— Пусть будут. Мне все равно, кто на трассе. Я должна выиграть.

— Не нравится мне всё это.

Лео вздохнул, зная, что спорить бесполезно. Он сунул руку в карман и протянул мне маленький, теплый от его тела оберег — скрученную проволочку в виде шестеренки.

— На удачу...

В его глазах читалось что-то большее, чем просто дружеская забота. Что-то, о чем мы оба молчали. Я взяла оберег, и наши пальцы ненадолго встретились. Его прикосновение было шершавым, знакомым и до боли успокаивающим.

— Спасибо, красавчик. Прикрывай мою задницу, — постаралась сказать легко, пряча шестеренку в самый надежный карман. — Лео, без тебя я бы...

— Знаю, знаю, — он махнул рукой и быстро перевел взгляд на мою машину. — Только обещай, что вернешься целой. А то кто будет воровать мои пончики в мастерской?

— Обещаю, — я фальшиво улыбнулась, зная, что никаких обещаний здесь давать нельзя.

Нашу перепалку затмил нарастающий гул и вспышки камер. К стартовой линии с рычащим звуком мотора подкатило нечто ослепительно-розовое. Это «нечто» было Porsche 911 GT3 RS — машиной мечты, которую я любила в любом цвете. Кроме этого, черт возьми. Его карбоновый спойлер был настолько огромен, что выглядел как парашют для экстренной остановки.

Из Porsche с театральной грацией выбрался парень. Идеально уложенные золотые кудри, голубые глаза и ослепительные грилзы на зубах, сверкавшие, как стоп-сигналы. Его тут же окружила свита из двух громил-охранников и оператора, который снимал все на камеру. Он щёгольски облокотился на свой автомобиль, позируя для воображаемых камер.

Я фыркнула, глядя на это великолепиие.

— Кажется, кто-то перепутал гоночную трассу с показом мод. У этого спойлера есть своя почта? Он больше моего дивана.

— Зато на нем можно сервировать завтрак на двоих. Или одного самовлюбленного придурка. — Лео закатил глаза, но ухмыльнулся.

— Сомневаюсь, что эта конфетка видела что-то круче, чем парковку у клуба, — добавил механик, закуривший рядом.

Мой друг рассмеялся, его белые зубы ярко сверкнули в полумраке.

Наши шутки были громче, чем следовало. Нико услышал их. Он помахал толпе, как королевская особа, и его взгляд упал на меня и мою скромную «Звезду». Он снизошел до того, чтобы подойти к нам.

— Проблемы с эстетическим восприятием, дорогая? — прокричал он сладким, самодовольным голосом. — Не вини свой бедный вкус. Не каждый способен оценить искусство.

Я медленно облокотилась на дверь своего Форда, приняв преувеличенно задумчивый вид.

— Барби, не уверена, что твоё искусство вообще кто-то способен оценить.

Толпа вокруг захихикала. Нико покраснел.

— Ты смеешься? Я — Нико ди Лаурентис! Мой отец...

— Оплатил твои права, машину и, я уверена, твоего психолога, который пытается бороться с твоей жадной вниманием, — перебила я его. — Плевать я хотела на твоего папу. На трассе его сегодня не будет.

Его лицо исказилось от злости. Один из охранников сделал угрожающий шаг вперед, но Лео мгновенно встал между нами, скрестив руки на груди. Он не сказал ни слова, но его поза говорила сама за себя. Охранник замедлился.

Как же всё-таки приятно иметь своего личного вышибалу. Жаль, что братские чувства — это предел моей душевной щедрости.

— Ты пожалеешь о своих словах, когда будешь глотать мою пыль! — истерично завопил Нико, указывая пальцем в моём направлении.

— Буду рада! — парировала я. — По крайней мере, от твоей пыли будет хоть какая-то польза — скроет этот гребаный розовый цвет.

Он пнул колесо «Звезды», резко развернулся и, бормоча что-то под нос, направился к своей машине. Лео хмыкнул, сложив руки на груди.

— Ауч... полегче! — Крикнула я ему вслед. — Ей же тоже больно. Эй...

Лео свистнул, одобрительно качая головой.

— Жестко. Теперь он точно постарается тебя подрезать.

— Пусть попробует, — пожала плечами я. — Розовое дерьмо на асфальте трудно не заметить.

На стартовой площадке стало резко тихо, потому что на импровизированный подиум, сооруженный из грузовых контейнеров, взобрался Зик.

Распределитель гонок был ходячим кризисом среднего возраста. Толстая золотая цепь утопала в волосах на груди, торчащих из распахнутой изумрудной рубашки, поверх которой был надет костюм шоколадного цвета. На толстых пальцах сверкали перстни с бриллиантами, столь безвкусными, что они могли ослепить водителя на встрече.

Он провёл рукой по загорелой лысине и медленно осмотрел толпу. Его руки сжали микрофон с такой жадностью, будто он боялся, что кто-то вырвет его вместе с куском его власти.

— Ну что, отбросы Асторна! — проревел Зик гнусавым голосом в микрофон, и толпа ответила одобрительным гулом. — Готовы ли вы увидеть, как металл рвется в клочья, а магия жжет асфальт? Сегодня ночью кто-то станет легендой! А кто-то — грудой хлама на свалке!

Его лицо, вечно недовольное, исказилось в гримасе, которую он, видимо, считал обаятельной улыбкой. Покрасневшие щёки тряслись, маленькие глазки-щелочки сверкали масляным блеском в свете неоновых прожекторов. Он стоял на подиуме и топтал её своими грязными кроссовками, как клоун, которому позволили выйти на арену. Но я знала: этот клоун держит в руках удавку, накинутую на шеи большинства гонщиков здесь.

— Сегодняшний приз — не только слава. Пятьдесят тысяч кредитов тому, кто выживет и придет первым.

Толпа завопила ещё сильнее, засвистела, захлопала. Где-то справа взлетела петарда, рассыпавшись искрами над головами, и воздух наполнился едким дымом.

Пятьдесят тысяч.

Моё сердце ёкнуло и забилося где-то в горле. Сумма, от которой пересохло во рту и похолодели пальцы, сжимающие край куртки. Рука сама собой дернулась к карману, где лежал сложенный вчетверо счёт за папино лекарство. Я сжала его, не глядя, просто нащупала шершавую бумагу.

Я знала его наизусть — каждую цифру, каждый штемпель аптеки в Верхнем городе. Двадцать три тысячи за курс. Плюс долг Хенриксу за прошлый месяц — ещё восемь. Плюс оплата сиделки. Плюс аренда дома, которую мы не платили три месяца, и хозяйка, которая вчера снова звонила с угрозами.

Пятьдесят тысяч не решали всех проблем. Но они давали передышку, оставляя возможность дышать, а не просто выживать от гонки до гонки.

Мне нужны были деньги. Если говорить честно, то тем, кто родился в Нижнем городе, они были нужны всегда, как воздух.

Я копила. Резала себя на части, отказывала себе в еде, в новой одежде, в отдыхе. Работала у Хенрикса с утра до ночи, брала дополнительные смены, чинила чужие машины за копейки, только чтобы добавить ещё несколько монет в жестяную банку, спрятанную под кроватью.

Я помнила, как вчера вечером ко мне пришёл подпольщик — старый знакомый Хенрикса. Тощий парень с вечно бегающими глазами, которого я знала только по кличке «Чаки». Он нашёл меня в гараже, когда я чинила старенький пикап. Я даже не услышала, как он подошёл — он появился из ниоткуда, как призрак.

— Есть место, — сказал он, не здороваясь. Его голос был тихим, но в нём слышалась уверенность человека, который знает цену каждой информации. — На шоссе Блицера. Завтра ночью. Один из гонщиков... выбыл.

— Выбыл? — я отложила гаечный ключ и вытерла руки тряпкой. — Как выбыл?

Чаки усмехнулся, и в его улыбке было что-то, что заставило меня похолодеть.

— Неважно. Место свободно. Тысяча кредитов — и ты на старте. Приз — пятьдесят тысяч.

Я молчала, сжимая тряпку в руках. Я знала, что значит «выбыл» в этом мире. Я знала, что парень, который должен был участвовать, теперь лежит где-то в канаве или в реке Стикс, или в контейнере на свалке, и его никто не будет искать. Я знала цену этого места. Но я также знала, что другого шанса у меня не будет.

— Я согласна, — сказала я.

Чаки кивнул, будто и не сомневался.

— В полночь. Будь готова.

Он ушёл так же бесшумно, как и появился.

Моё сердце колотилось, руки дрожали, я не спала всю ночь, прокручивая в голове трассу, повороты, возможные обгоны. Я выбрала не знать кто дал мне шанс заработать больше.

Потому что в мелких уличных гонках, где я последнее время гоняла, ничего не заработать. Там максимум — две-три тысячи, если повезёт и если ты готов рискнуть шеей ради жалких грошей. А вот на подконтрольных трассах, особенно тех, где хозяйничают «Чёрные Шины», можно было надеяться на выигрыш выше. Настоящие деньги. Десятки тысяч. Возможность вырваться. Ну или на то, что тебя заметят и возьмут в команду.

Уже с 16 лет я понимала, что единственный быстрый вариант заработать большие деньги — по-настоящему большие, а не жалкие крохи, которые проглатывает аренда и еда — был в подпольных гонках. Либо на тотализаторе, делая ставки и надеясь на удачу.

Я никогда не надеялась на удачу. Удача — это фикция, которую придумали богатые, чтобы бедные не чувствовали себя совсем никчёмными. Удача не платит по счетам. Удача не

дышит за тебя, когда лёгкие отказывают. Удача — это просто слово для тех, кто признает, что их жизнь зависит от чужих решений.

Я выбрала контролировать то, что могу. Руль. Газ. Тормоз. Траекторию. Адреналин, который разгоняет кровь быстрее любого лекарства. Это был единственный вариант и, к сожалению, нелегальный вариант. Но в Нижнем городе закон — это то, что могут обеспечить те, у кого есть оружие и деньги. А у меня не было ни того, ни другого. Только скорость.

Все знали, как устроена эта финансовая машина в подпольном мире Асторна. От контрабанды артефактов до поединков между гоночными командами — всё это была одна большая паутина, в центре которой сидели жирные пауки, плетущие свои сети из денег, страха и человеческих жизней. Каждый гонщик был мухой, которая залетела в эту паутину в надежде на сладкий нектар. Каждый зритель — мухой, которая платила за удовольствие смотреть, как другие гибнут.

Зик.

Жирный паук в центре паутины из бензина и амбиций. Он стоял на своей шаткой сцене и улыбался, обнажая жёлтые, прокуренные зубы. Его пиджак, дешёвый, блестящий, трещал по швам, когда он жестикулировал. Он походил на сбитый синтезатор — слишком много блеска, слишком много шума, никакого вкуса. Но именно на таких, как он, и держался этот карточный домик под названием «подпольные гонки». Если бы Зик исчез, на его месте через неделю появился бы другой. Та же рожа, другое имя. Система была отлажена до скрежета.

Схема была проста.

Тысяча кредитов за право выйти на трассу и стать разменной монетой. Но эти взносы — мелочь, капля в бензобаке. Весь жир стекал со ставок. Толпа, обдирающая друг друга в азарте, команды гонщиков, делящих между собой коридоры влияния, богатые уроды вроде папочки Нико, спускающие состояние на «верняк».

Зик был лишь громкой воронкой, через которую всё это стекало в нужные карманы. Менеджер подпольного цирка, который и сам не забывал снять пенки.

И все мы, стоящие здесь на старте, знали главное правило: ни одна воронка не висит в воздухе сама по себе. Она прикручена к чему-то большому и черному. Шоссе Блицера, как и половина ночных трасс Асторна, контролировали «Чёрные Шины». Это не было тайной. Их контроль был невидимым, как гравитация: ты не видел его, но он определял траекторию всего, что двигалось. Они не просто участвовали — они регулировали.

Через таких, как Зик. Через взносы. Через негласные правила, нарушение которых означало не просто проигрыш, а исчезновение с трассы. Навсегда.

Я никогда не видела их главаря.

Кассий Рейн был для меня таким же мифическим существом, как драконы в детских сказках. Но я чувствовала его присутствие. В том, как Зик нервно оглядывался на тёмные вышки, где иногда вспыхивал огонёк сигары. В том, как судьи на трассе молчали, когда кто-то из «своих» нарушал правила. В том, как исчезали гонщики, которые пытались играть по своему.

Плати отступные, играй по их правилам — и живи. Вернее, выживай.

Ухмылка Зика, его дешёвый пафос — всё это было частью шоу. Он наживался на наших амбициях, на нашем страхе, на нашем «а вдруг?». На таких, как Нико, он зарабатывал особенно охотно. Потому что папочкины сынки всегда платили больше — и за участие, и за то, чтобы их имя прокричали на всю трассу, и за то, чтобы статистика «случайно» выглядела чуть лучше.

Нико думал, что он звезда. На самом деле он был просто наживкой для таких же богатых идиотов в толпе, которые ставили на «своего».

Я вносила свою тысячу с горьким осадком на языке. Это были кредиты, отобранные у еды, у лекарств, у надежды на спокойный завтрак. Это был налог на отчаяние.

Но это был и билет. Единственный шанс влезть в эту пищевую цепочку не просто в роли планктона, а в роли того, кто может укусить. Выиграть — означало не просто забрать приз. Это означало заявиться. Попасть в поле зрения. Может, даже получить предложение, от которого невозможно отказаться.

Или от которого придется бежать, стирая в порошок резину своих покрышек.

Зик и Нико играли в свои показательные игры — паук и пестрая муха. А где-то в тени, холодные и безразличные, как акулы, кружили «Чёрные Шины». И мне предстояло пронестись между ними, не дав раздавить себя ни чужому тщеславию, ни алчности, ни закону тени.

Я была здесь не для их игр. Я была здесь, чтобы забрать свою долю из этого гнилого пирога. И чёрт с ними, со всеми.

«Паук» начал зачитывать имена, и гонщики один за другим выходили к своим машинам под рев толпы.

— Знакомьтесь, мясо для мясорубки! Слева — наша огненная фурия, королева поджаренных покрышек, на своей пылающей Subaru WRX— ТОРИ!

Блондинка в белом огнеупорном комбинезоне, стоя рядом с красной Subaru WRX, из выхлопной трубы которой вырывались языки пламени, послала в толпу воздушный поцелуй. На её руке сверкал золотой браслет с алым артефактом огня.

— Эта девушка умеет разогреть не только свой двигатель!

Её губы, подведенные алой помадой, растянулись в улыбке, в которой было больше звериной ярости, чем кокетства. Она провела ребром ладони по горлу в дерзком, отточенном жесте, который в подпольном мире означал одно: «Я тебя прикончу».

Толпа, понявшая жест, взревела еще громче. Его взгляд пробежался по её фигуре и упал на следующего участника, лицо расплылось в самой противной ухмылке.

— А вот и наш принц гламура, король позерства на розовой Porsche! Восходящая, по его собственному мнению, звезда — Нико ди Лаурентис! — Зик продолжил наигранно деловым тихим голосом. — Он просил произнести это полностью.

Когда организатор гонок выкрикнул имя Нико, и он на мгновение расправил плечи, приготовившись принять положенные овации.

— Надеюсь, твой спойлер сможет удержать твое раздутое эго от взлета в небо! — Бесстрашный механик блондинки с безумной улыбкой сказал это ему прямо в глаза.

Сначала на идеально загорелом лице Нико возникло непонимание, будто он услышал речь на незнакомом языке. Его улыбка, широкая и ослепительная для воображаемых камер, застыла, превратившись в оскал. Губы, такие безупречные секунду назад, плотно сжались в тонкую белую нить. Голубые глаза, обычно холодные и насмешливые, вспыхнули чистым, ничем не разбавленным бешенством. В них не было и тени того гламурного фасада — только голая, детская ярость обиженного принца, которому посмели перечить.

В Нижнем городе никто не любил богатеев. Большая часть из гонщиков нуждалась в кредитах, еде и крыше над головой, но не они. Дети из Верхнего города приезжали на подпольные запрещенные гонки для развлечения. Они тратили сумасшедшее количество кредитов на покупку артефактов для подобных гонок.

Тот что был на запястье Нико, скорее всего стоил по меньшей мере парочку таких как у него Porsche.

Бесило меня это?

Ответ — да.

Хотела ли я всю свою злость на таких «золотых» мальчиков выместить на Нико?

Ооо да!

Он резко, почти машинально, бросил взгляд на свою свиту. Его охранники замерли, напрягшись, готовые по первому сигналу броситься на Зика. Оператор на секунду опустил камеру, не зная, продолжать ли съемку этого унижения.

Нико сделал шаг вперед, как будто собираясь что-то крикнуть, броситься на импровизированный подиум, но толпа уже хохотала.

Этот смех — громкий, грубый — казалось обжег его сильнее, чем любые слова. Нико остановился и больше не смотрел на Зика.

Нет.

Вместо этого его взгляд, как раскаленное жало, метнулся через машину и вонзился в меня. Моя насмешка была первой искрой, а теперь этот механик раздул из нее публичное кострище.

«Проклятье! И зачем я ему это сказала?!»

Я закусила губу, чтобы не рассмеяться и таким образом не усугубить ситуацию. Обиженный «золотой» мальчик мог стать моей проблемой.

В глазах Нико застыло немое, но абсолютно четкое обещание: *«Это ты! Ты во всем виновата. Ты за это заплатишь.»*

Я отвела взгляд, уставившись на организатора гонок, который уже перешёл на следующего гонщика справа от меня.

— Рядом — наш повелитель воздушных потоков, мастер дрифта на своей серебристой Mazda RX-7 — АЛЕЙ! Я жду, что твои фокусы сегодня кого-нибудь не убьют слишком быстро!

Алей даже не пошевелился, когда голос Зика, грубый и гнусавый, выкрикнул его имя. Он стоял, прислонившись к серебристому боку своей Mazda RX-7, руки в тонких перчатках были скрещены на груди. Его лицо, узкое и с резкими, почти птичьими чертами, оставалось невозмутимым маской под темными стеклами очков.

Алей слегка, почти незаметно, наклонил голову — не кивок в ответ, а скорее едва уловимое движение, будто он ловил эхо этих слов, измеряя их вес и глупость.

Затем медленно выпрямился, оттолкнувшись от машины. Он провел ладонью по гладкой поверхности крыши Mazda, последний, уверенный жест хозяина. В салоне, в ответ на его невысказанную команду, беззвучно зажглись голубоватые руны на приборной панели, и воздух вокруг колес слегка заколебался, словно над раскаленным асфальтом.

— Вит! Наш молодой и дерзкий на чёрной Ferrari F488... своей мамии! — Зик особенно выделил последнее слово, как бы приглашая всех обратить на это внимание. — Чёрт! Страховка этой малышки стоит дороже следующей тачки.

Молодой пухлый парень в дорогом комбинезоне, стоявший у своей идеально отполированной, черной, как смоль, Ferrari, вздрогнул, будто от удара током. Было видно, как он пытается втянуть голову в плечи, съежиться.

«Мамина радость», «папин кошелек» — эти неозвученные, но витающие в воздухе ярлыки, казалось, физически давили на него.

Он был не гонщиком на старте, а мальчиком, которого застали за игрой во взрослые игрушки на самой нежеланной публике. На щеках, гладких и ухоженных, выступили пятна яркого, багрового румянца — не от злости, а от жгучего, всепоглощающего стыда.

Взгляд его, растерянный и мокрый, метнулся по сторонам — к Тори, которая лишь цинично усмехнулась, к Алею, абсолютно безучастному, затем ко мне.

В его глазах читалась не детская обида, а панический ужас взрослеющего щенка, впервые выгнанного из теплой конуры в жестокий двор. Он не был готов к такому зубастому смеху. Он рассчитывал на овации, на уважение, а получил пинок под зад в самое эго.

Вит попытался изобразить презрительную усмешку, но получилась лишь жалкая гримаса — верхняя губа задрожала. Он кивнул в сторону Зика, этот кивок должен был означать *«да я вообще не парюсь»*, но выглядел как нервный тик. Потом он резко, почти выпрыгивая, нырнул в салон своей Ferrari, захлопнув дверь с таким видом, будто хлопал дверью перед носом у всего мира.

Зик повернулся в мою сторону, и его взгляд пополз по мне, словно жирная улитка, от моих старых конверсов до губ.

— И следующая О-хо-хо! Новичок! Лира на прости господи, э-э-э... что это у тебя, детка? На тачке для вывоза мусора? Не переживай, после гонки я лично помогу тебе... расслабиться.

Я почувствовала, как воздух сгустился. Со сцены потянулись невидимые, липкие щупальца.

Это была не метафора.

Я увидела их внутренним взором — тонкие, как паутина, нити марионеточной магии, исходящие от массивного бриллианта в перстне на его пальце.

Артефакт манипулятора.

Они ползли ко мне, к другим гонщикам, пытаясь впиться в кожу, чтобы накачать страхом, сомнением, жадной одобрения толпы. Чтобы мы стали послушными зверьками в его цирке.

— Мечтать не вредно, Зик. Чтобы до меня дотронуться, тебе понадобится твой гребаный бриллиант в виде взятки хирургу, который пришьет твои оторванные руки. — Произнесла я как можно громче, когда одна из этих нитей, самая наглая, дотронулась до моего виска.

Ледяной укол паники, чужой и навязанной, рванулся к мозгу.

Я внутренне сжалась, готовясь к бою. Но тут же, из глубины груди, отозвалось тепло моего собственного артефакта. Камень под курткой не просто дрогнул — он вздохнул. И, словно крошечная, но ненасытная черная дыра, втянул в себя эту ледяную щупальцу.

Это было мгновенное и странное ощущение: вспышка холода внутри, которая тут же растворилась, поглощенная мягким теплом.

Щупальце магии Зика не просто оборвалось — оно было резко, беззвучно съедено.

На трибуне Зик, выкрикивая свою насмешку, вдруг споткнулся на слове.

— ...на винтажном Ford GT40!

Его глаза, маленькие и заплывшие, внезапно округлились. Он смотрел прямо на меня, но не как на объект насмешки, а как на необъяснимую аномалию. Его палец с перстнем дернулся, будто от внезапного ожога. Он схватился за руку, стиснул кулак, будто проверяя, цел ли артефакт.

В его взгляде мелькнуло не просто удивление, а чистый, животный шок, быстро сменившийся прищуром дикой любознательности.

Он увидел что-то. Что-то, что не должно было так среагировать.

Что-то, что может поглощать направленные эмоции, как черная дыра поглощает свет.

Он замолчал всего на секунду, но это была красноречивая, звенящая пауза. Потом, с придыханием, которое уже не было игрой, быстро досказал, смазывая концовку:

— Похлопаем ее храбрости, что ли. Или глупости...

Его магия, давящая на других, вокруг меня расступилась, образовав пузырь тишины и странного внимания. Толпа, не чувствуя больше привычного эмоционального пинка, отреагировала вяло — смесь свистов и редких хлопков.

Я, пользуясь моментом и его замешательством, послала ему жест рукой, известный в любом языке Вселенной.

В толпе засмеялись.

Но делала я это уже глядя ему прямо в глаза, с холодным вызовом.

«Видел? А теперь попробуй еще раз.»

Зик фальшиво ахнул, делая вид, что оскорблен, но его взгляд уже бежал от меня, быстрый, испуганный. Он больше не шутил.

Он поспешно перевел внимание на следующего гонщика, но я видела, как он украдкой, с неподдельным ужасом, еще раз глянул в мою сторону.

«Что... что это было?» — пронеслось в голове, заглушая шум.

Сердце бешено колотилось, но уже не только от адреналина перед гонкой.

От осознания: в этом артефакте, в этом наследстве отца, таилось нечто большее. Нечто, что только что, на глазах у всех и в полной тишине, заставило дрогнуть самого Зика.

Я поймала взгляд Лео. Он поднял сжатый кулак в жесте поддержки.

«Соберись, Лир. Твоя гребаная гонка».

Его брови были чуть сведены — он заметил мою бледность, мой потерянный взгляд. Зик сделал драматическую паузу, его голос стал зловещим.

— Но хватит шуток! Время для настоящей легенды! Гонщика, от одного взгляда которого закипает масло в моторах! Перед которым дрожит асфальт. Тень, пожирающая победы. Встречайте — Дориан Торн и его «Тень»!

Толпа взорвалась. Все головы, включая мою, повернулись в одну сторону.

Из-за спины Зика, будто из самой тьмы, выкатился черный Nissan GT-R R35. Он казался, не отражал свет, а поглощал его. Никаких кричащих спойлеров, никаких сияющих рун.

Только идеальные, смертоносные линии.

И тогда я увидела его.

Дориан вышел из машины, оперся о дверцу, скрестив руки. Высокий, с черными волосами, которые падали на лоб, не скрывая взгляда цвета холодной стали, с резкими, словно высеченными из гранита чертами лица.

Я невольно проследила за линией, уходившей от его уха вниз, под воротник куртки. Казалось, по его шее скользнула тень, но это были чернила татуировки.

На нем была простая темная куртка без эмблем, но все знали, чей он.

И он был чертовски красив. В том опасном, неправильном смысле, который так притягивал мой вечно непутевый вкус. Мрачный тип до тошноты: красивый, опасный и явно с кучей проблем.

«Стоп! — тут же одернула я себя, чувствуя, как что-то сжимается внизу живота. — Он из «Черных Шин». Надо обходить таких стороной. Проклятье, какой же он.»

Он не смотрел на толпу, не поднимал руку, не улыбался. Девушки кричали его имя, но он смотрел сквозь них, будто они были частью пейзажа.

Торн был другим. Не крикливым пижонем, как остальные. От него исходила аура абсолютного контроля, тихой, неоспоримой силы.

И странное, необъяснимое чувство — тяготение. Будто мой артефакт, спрятанный под курткой, был маленьким магнитом, а он — огромным полюсом.

Готова была поставить свои новые тормозные колодки, что Зик никогда бы даже не посмел протянуть свою магию к нему.

Его взгляд, холодный и тяжелый, медленно скользил по строю гонщиков Тори, Алею, Вито и на секунду задержался на мне...

Серые глаза встретились с моими зелёными. Всего на одно мгновение.

В них не было ни высокомерия, ни насмешки. Только холодная, аналитическая оценка. Взгляд, который видел насквозь. Мой страх, мое отчаяние и дикий, яростный огонь, горевший внутри.

Мир сузился.

Шум толпы отступил, словно кто-то выключил звук.

Я почувствовала необъяснимое притяжение, словно между нами натянули невидимую струну. Теплая волна пробежала по сосудам.

А потом мой артефакт на груди отозвался.

Коротким, багровым ударом, словно голодный зверь, учуявший соперника. Боль пронзила грудь, заставив меня едва слышно ахнуть.

Дориан не дрогнул. Лишь его взгляд стал чуть более пристальным, будто он поставил на мне невидимую метку.

Он что-то почувствовал. Так же, как и я.

«Проклятье. Что это было? Почему мой артефакт реагирует на него? Что за дерьмо он прячет?»

Это длилось всего мгновение. Он первый отвел глаза, развернулся и бесшумно скользнул в салон своей «Тени».

— Лир! Эй, Земля вызывает Лиру! — Лео положил руку мне на плечо, выводя из ступора. — Ты белая, как полотно. Что случилось?

— Да так ничего. Духота тут, — я встряхнула головой, заставляя себя дышать глубже. *«Соберись. Ты здесь не для того, чтобы глазеть на местных знаменитостей».*

— Смотри, осторожней с подвеской на третьем повороте, там яма, — он понизил голос. — И держись подальше от этой блондинки. От нее пахнет паленой магией за километр.

— От всех здесь пахнет паленой магией, Лео. Это как визитка.

— Гонщики, по местам! — проревел Зик.

И вот мы все выстроились в линию рядом с нашими железными сердцами. Я — между нервным Нико на Porsche и Алеем на Mazda.

Я скользнула в кокпит «Звезды», захлопнув дверь.

Завела мотор. Рев наполнил салон, заглушая внешний шум. Это был мой медитативный гул.

Пальцы обхватили тёплый бордовый камень-артефакт на цепочке и он ответил еле заметной вибрацией. Я тихо прошептала ему:

«Не подведи меня!»

Я поймала свое отражение в зеркале заднего вида — уставшие глаза, стиснутые зубы, решимость.

Через минуту начнётся борьба, но вопреки всем законам природы, эта минута всегда длилась намного дольше. За это время сердце ускоряет ритм, ладони потеют, оставляя на руле влажные отпечатки, а в голове проносятся сотни разных исходов событий.

Первый огонек на светофоре зажегся красным. Сердце ответило ему тяжелым ударом.

«Только не облажайся. Только не облажайся, Лира».

Второй. Я прикусила нижнюю губу и мертвой хваткой вцепилась в руль.

«Соберись, проклятье. Это всего лишь гонка. Всего лишь еще один гребаный заезд в этом дерьмовом городе».

Третье деление светофора. Сердце заколотилось, выбивая ритм моего личного апокалипсиса.

«Я должна выиграть.»

Горькая правда Асторна в том, что у слабых нет шансов.

Четвертое. Мускулы напряглись до предела.

А я не намерена быть слабой.

Пятое деление. Гаснет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.